

Алекс
Экслер

Рассказы сторожа музея и другие истории

ЭКОпромт

Алекс Экслер

Рассказы сторожа музея

«Автор»

Экслер А.

Рассказы сторожа музея / А. Экслер — «Автор»,

Сторож музея Константин Похмельч становится очевидцем странных и таинственных событий, происходящих во вверенном ему культурном учреждении. Правда, возможно, большинство из рассказанных им историй является плодом его слегка воспаленного воображения, которое Константин Похмельч каждый день старательно горячит различными алкоголесодержащими жидкостями, однако от этого его рассказы не становятся менее интересными.

© Экслер А.

© Автор

Содержание

Происшествие с Давидкой	5
Экскурсия	8
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Алекс Экслер

Рассказы сторожа музея

Происшествие с Давидкой

...Давай, Серег, наливай. Между первой и второй перерывчик – с гулькин хрен. Чего? Ну, между пятой и десятой. Какая, ик, разница? Вздрогнули... Серег! Ты чего-то сильно вздрогнул. На пол падать не надо. Он грязный. Все? Очухался? Молодец. Ты сознания не теряй, а то мне собеседник – во как нужен. Страшно одному в музее-то. Вот только зеленый змий и помогает не скопытиться. Не поверишь, я, перед тем как сюда пришел, вообще почти не пил. В смысле – водку по будням. Ну, пивко, там, красненькое, это, конечно, завсегда. Но алкоголистом не был. А сюда устроился – поплыл со страшной силой. Прямо с первой ночи. Без бутылки водки дежурство нормально не проходит. Да и с ней, родимой, такого насмотришься, что не только голова, подмышки поседеть могут. Потому что они, Серег, живые, скульптуры эти. И наблюдают за мной. Я сначала думал, что это – белая горячка. Оказалось – ничего подобного.

Одно полезно: безусловно, круто повысился уровень образования. Мне теперь с мужиками во дворе и выпивать как-то неприятно. Культура у нас теперь разная. Они все о своем талдычат: карбюраторы, фигаторы, прокладки и маслицеъемные колпачки. А мне теперь хочется поговорить, к примеру, о древней Греции. Вот как пили в древней Греции, не знаешь? Тотто. Культурненько пили. Вино разбавляли пополам водой. Кошунство, конечно, зато могли всю ночь присутствовать на оргии и под стол, в отличие от тебя, Серега, не падали. Потому что пили лежа. В горизонтальном положении. Культурный народ был, за что и пострадали. Пришли к ним эти... как их... варвары, которые только портвейн и употребляли. Вот так и закончилась древняя Греция, топчись она конем. Портвейн, родимый, их сгубил. А мастера они были – замечательные. Часы солнечные делали. Это вот сейчас часы забарахлят, мастер один винтик сменит, и все! Как новенькие! А раньше, если часы солнечные ломались, надо было весь механизм менять.

У меня, кстати, в третьем зале – один древний грек стоит: Давидка. Я в первую ночь к нему знакомиться пришел. Говорю: «Ну, чо? Мраморный! Сгубил тебя портвейн?» А он на меня только косится белесым глазом и не отвечает. Потому что стыдно ему. А знаешь, почему стыдно, Серег? Вовсе не из-за портвейна. И не потому, что он голый стоит. Они нагишом не стесняются. А стыдно ему из-за того, что мужское достоинство листиком прикрыто. Так-то он – во всей красе, а достоинства и не видно. Я говорю: «Давидка! Ты не боись! Придет осень – листик спадет!» Он не верит и чуть не плачет. А я, Серег, ты ж меня знаешь, за друга – на все готов. Взялся за листик и давай его отдирать.

Вот только время не рассчитал. Утро было. Конец смены и 500 граммов водки. А эта зараза, заведующая наша – Калерия Петровна, зачем-то пораньше пришла. Не спится ей, старой деве, все эротические фантазии мучают. Как увидела Холерия, что я Давидке этот фигов листик отдираю, сразу раскричалась, клюшка, дескать, зачем вы, Коньстантин Данилыч, античное искусство нарушаете! Как вы смеете, грит, обнажать древние гениталии! Это же, орет, задумка великого Мигеля Анджело! Не въезжает, курва, что этот Мигеле творил в эпоху расцвета царизма и жесточайшей цензуры. Потому что нельзя было в те времена показывать достоинства больше, чем у царя-угнетателя. Я ей и говорю, что у нас сейчас – демократия и народ своих достоинств не стесняется. Народ стал раскрепощен в сексуальном смысле и требует знать правду – действительно ли там 30 сантиметров у древнего героя Греции! Так старушонка, Серег, от моих слов чуть крышей не поехала. Да как вы смеете, грит, произносить такие жуткие 30 сантиметров в приличном обществе! Видал, куда клонит? Но ты, Серег, меня

знаешь. Я такие вещи не прощаю, поэтому намекаю, что если выйду за дверь, то процент приличного общества в этом зале сразу станет стремительно приближаться к нулю. А она бросилась к Давидке, пихнула меня кулачком в грудь и стала всем телом закрывать этот фиговый листок. Не дам, говорит, портить древнюю красоту. А я, поскольку был выпимши, от старушкиного удара так сразу с копыт и упал. А упавши – немедленно заснул, поскольку сильно устал в пылу борьбы двух идеологий.

Калерия как увидела мое бездыханное тело, так чуть умом не тронулась, потому что решила, что ненароком убила мужественного пролетария. Но, поскольку бабулька курсов медсестер не заканчивала, ей невдомек было, что надо мне под нос чего-нибудь противного сунуть, типа нашатыря, нафталина или шампунь с кондиционером в одном флаконе. Ей в голову только одна мысль пришла, что надо мне на лоб чего-нибудь холодненького положить. И такая в ней сила с испугу сделалась, что сгоряча взяла и оторвала этот фиговый листок у Давидки, который потом положила ко мне на лоб. А листок, Серег, килограмм десять весит. Творение-то – монументальное. Меня как листком придавило, так я сразу проснулся в холодном поту с рукой в горшке. Думал, что меня уже замуровали. Вскочил, смотрю – полное отсутствие у Давидки фигового листка. И знаешь, Серег, чего оказалось? Нету там никаких положенных любому мужчине-производителю достоинств. Схалтурил древний архитектор. Оставил пустое место, как будто так и надо. Калерия рыдает, говорит, что из-за моего возмутительного поведения она своими руками испортила древний антиквариат. Я говорю, чтобы она не разюзивалась тут понапрасну, что сейчас Константин Похмельч чего-нибудь придумает. Ты же знаешь, Серег, я у нас – рукастый. Срушный, как говорят у мамыши в деревне.

Сначала думал на суперклею это дело посадить. Намазал погуще и заставил Холерию плотно прижимать листок к месту неожиданного отсутствия давидковых достоинств. Но со всей этой канителью уже много времени прошло. Посетителей набежало – туча. Представляешь картину: стоит древнемраморный Давидка, а к его фиговому листку припала всем телом древняя девственница – Калерия. Картина была – не ходи купаться. Народ просто угорал, а Холерия шипит – мол, сколько времени ей так посмешищем торчать. Я вежливо говорю, что по инструкции полагается для хорошей склейки плотно прижимать изделие 24 часа. Она говорит, что жаль – не прибила меня этим листком, пока я в отключке лежал. Совсем озверела бабулька. А в мои планы утреннее смертоубийство не входит, поэтому разрешаю ей опустить листок, приношу здоровый железный штырь и вбиваю его в аккурат туда, где должен был находиться штырь мраморный. На штыре нарезаю резьбу, в листок вдавливаю гайку, после чего мраморное украшение можно спокойно накручивать. Просто и гениально.

Калерия сразу успокоилась и пообещала не жаловаться на меня директору. Я ей ради хохмы предложил поцеловаться в знак примирения, так она – представляешь – раскраснелась вся, как маков цвет, игриво хлопнула меня своей сумочкой по руке и загрохотала костями к себе в кабинет. Игривая такая старушка оказалась. А у меня на руке синяк – до сих пор играет всеми цветами радуги. Потому что она в этой сумке ключи от всех залов таскает. Пуд сумочка весит – я тебе отвечаю.

Зато от нововведения у Давидки я теперь постоянный источник дохода имею. На что, как ты думаешь, Серег, мы пьем? Не на мою же зарплату. На нее только сникерс купить и можно. Я, Серег, знаешь, как делаю? Вижу группу туристов, подхожу и предлагаю за чирик с носа посмотреть, что скрыл Мигель Анджелович Буанавротти под фиговым листком. Веришь, все покупаются! Ни одна группа не отказалась. Потихоньку подвожу их к Давидке, скручиваю листок и демонстрирую железный штырь с резьбой. Народ в отпаде. Иностранцы фотографируют, снимают на камеры. Короче, все довольны. Холерия, конечно, сначала в крик срывалась, но, как я начал ей выдавать по трехе с носа, сразу успокоилась и мы даже подружились. Кстати, мировая старушонка оказалась. Она мне про свою революционную молодость рассказывала. Как кухаркой в Смольном работала. Ленина, представляешь, видела! Ильич ей все любил шутить: «Вы,

Калерия Петровна, скоро будете управлять государством. Вот из золота нужников понаделаем, так и будете управлять государством. Но сначала – надо учиться, учиться и учиться готовить еду. Потому что если...» Але! Серег! Ты чего – задрых, что ли? Ну, вот. Эх, Серега, Серега...

Экскурсия

...Серег, блин, ну чего ты сидишь как деревянный? Что у тебя с руками? С руками у тебя – что? Все в порядке? Не болят? Тогда какого хрена ты не наливаешь? Мне, между прочим, в себя надо войти. После дневного развлечения. Поэтому сегодня доза увеличивается в полтора раза, а количество обходов залов уменьшается в два раза. Потому что чую – не дойду я под конец нашего randevu. Чего? Да не ругаюсь я. «Рандеву» – это так французы говорят, когда собираются тихо и мило посидеть в хорошей компании. Вот ты, Серег, хорошая для меня компания? Да? Какая же ты, блин, хорошая компания, когда ты через полчаса от начала пьянки дрыхнешь, как паровоз! Кому мне, по-твоему, обо всех происшествиях рассказывать? Статуям этим гребаным? Ладно, Серег, вздрогнули... Короче, рассказываю все по порядку.

Отдежурил я сегодня, но домой ползти уже не хотелось, потому что во входную дверь не попадал, поэтому пошел я в кабинет к заведующей – Калерии Петровне, чтобы маленько отоспаться там на диване. Ты же помнишь, что мы с ней теперь – эти... как их... закидушные друзья. Упал я там на диванчик и отрубился вмертвую. Часа два проспал, чувствую – меня пытаются будить. Ты представляешь? После ночной смены! После законных 503 грамм водки! Будят пролетария нелегкого ночного труда. «Ночная ба-а-абочка, никто ж не винова-а-а-ат». Ты подтягивай, Серега! Чего? «Девочка ночь» теперь тебя называть? Але, Серег! Ты дозу-то – половинь. Рановато ты поплыл. Что? Это ты пел, оказывается? Ладно, слушай дальше.

Значит, чувствую – будят меня со страшной силой. А у меня под рукой – ни пистолета, ни гранатомета, ни огнемета, чтобы треснуть по врагу моего священного сна. И проснуться организм не дает. Печень занимается своим общественным долгом и блокирует сознание. А Калерия – хитрющая престарелая девственница. Вспомнила она, как я ей рассказывал о своем сантехническом прошлом. Пили мы там, конечно, по-черному, но, если где авария, просыпаться нужно было мгновенно. Иначе Пархомыч, начальник бригады, два дня потом не разрешал на работе пить. Физически не разрешал, потому что пить было потом очень больно. Так вот, Калерия как заорет: «Сантехник Прокладкин! На втором участке – авария!» Я, конечно, вскочил, как конь невымытый, бросаюсь в угол искать струмент, как вдруг доходит, что я давно уже не сантехник, а вовсе даже сторож в музее.

– Каля, – говорю. – Да ты, видать, с вешалки упала! Срочно купи себе кислородную подушку. У тебя явно мозг без кислороду оголодал. Совсем уже дикий стал. Купи, я ее тебе на день рождения болгарским крестиком вышью для красоты. Разве можно меня будить в такой ответственный момент?

– Коля, – отвечает. – Ты уж прости, что я потревожила твой священный для всего музея сон, но ситуация безвыходная! К нам приезжает делегация англичан, а экскурсовод Карячкин допился до красных крокодилов. Остановился у картины «Иван Грозный попал в голову сыну тяжелым предметом» и заорал: «Все правда! Вяжите меня! Я своему Васятке в голову шан-дарахнул за двойку в школе!» А его Васятке сейчас 35 лет и он чемпион Москвы по чего-то там билдингу. Короче, Карячкина увезли, а у меня больше экскурсоводов нет. Надо англичан полчаса поводить туда-сюда.

– Калерия, – говорю. – Ты сегодня не въезжаешь. Посмотри на меня! Перимордит четвертой степени и дыхание, как у Змея Горыныча. Я тебя повсеместно уважаю и готов к любым содействиям на почве культуры, но я же ослаблю всю страну в мировом масштабе.

– Ничего, – говорит. – Надо, Коля. Другого выхода нет. Вот тебе жвачка «Дирол с ксилитом», только кариес, смотри, не поломай. А вот тебе бритвенный станок «Механизмус», который ласково обойдет все неровности твоего опухшего лица. Побреешься, кофейку треснешь, я тебе лицо стягивающим кремом намажу – сойдет для англичан.

– Ну, в порядок я себя, положим, приведу, – отвечаю. – Может быть, даже стану похож на просто сильно уставшего экскурсовода. Но чего я им буду рассказывать-то? Я ж ни фамилий, ни истории процесса не знаю. У меня все знания почерпнуты из «Московского комсомольца». Ты представляешь, чем это грозит нервным британцам?

– Партия все продумала, – говорит Калерия. – Болтать можешь, что угодно. У переводчицы в кармане будет лежать плеер с записью экскурсии. Она тебе будет кивать, когда надо перейти в следующий зал. И все дела. А по-русски там точно никто не понимает. Я у переводчицы спрашивала. Но они специально оплачивали экскурсовода, так что необходимо, чтобы какая-нибудь личность перед глазами болталась. А я тебе – мое революционное спасибо и отгул на следующей неделе. А, Колюнь? Выручай старушку. Мы же всегда дружили!

– Ладно, – отвечаю. – Только ради тебя. Давай свои диаролы с кофеями.

Короче, возьмися мы со мной. Организм потихоньку включает заблокированные механизмы, я даже вспоминаю свое имя, да и в зеркале лицо начинает вырисовываться крупными мазками. Быстро побрился, но этот «Механизмус», сука, все неровности на моем лице заметил, кроме носа. Первый раз у меня кровь из носа пошла как-то не изнутри, а сбоку. Но старушка, молодец, чем-то там бесцветным прижгла, так что все обошлось.

Выпил два литра кофе, потом Калерия намазала мне лицо каким-то кремом, от которого все фасадные составляющие сошлись прямо в центре физиономии. Кошмар. Губы слиплись с носом, ничего не разжимается, зато лицо – гладкое и холеное. Калерия сказала, что минут через пять я говорить смогу. А за эти несколько минут она мне быстро ликбез провела на исторические художественные темы. Как она сказала – на всякий пожарный. Я столько всего интересного узнал за эти волнующие минуты:

1) Мона Лиза не могла улыбаться после перенесенного в детстве жесточайшего кариеса, потому что «фигли сперминт» тогда еще не изобрели;

2) Иванов свою картину «Явление Христа народу» писал аж двадцать лет, потому что все никак не мог самолично застать эту волнующую процедуру;

3) на портрете «Неравный брак» изображен сам автор, то есть это как бы автопортрет;

4) княжна Тараканова в камере вовсе не мучилась, а дрессировала крыс. По окончании срока заключения с успехом выступала в цирке «Барнум и Бейли»;

5) картину «Три богатыря» писали с совета директоров знаменитой Питерской биржи;

6) в названии «Девочка с персиками» есть опечатка: на самом деле эксперты установили, что там – нектарины, а второй с краю – червивый;

7) боярыню Морозову увозили на крайний север не на санях, а на мотоциклете. Так что художник грубо исказил действительность.

И так далее. Впрочем, Серег, я, может, чего и перепутал. Сам понимаешь, похмелье – вещь суровая, хотя и добровольная.

Наконец, лицо обрело знакомые, хотя и разглаженные очертания, Калерия меня одела в какой-то мешковатый костюмчик и повела в вестибюль (ой! какое слово противное: «вестибюлю-ю-ю-юль». Тьфу!). А там – толпа этих англикосов. Все такие солидные, одеты в очки и фотоаппараты. Ну, думаю, Николай, не посрами российские культурные заведения. Но ты же, Серег, меня знаешь. Я нигде не тушуюсь. Подошел так небрежно к группе, на всякий случай дыхнул в сторону и говорю:

– Здрасти, островитяне! Я – ваш новый экс-курсовод. Позвольте пригласить вас в первое зало, чтобы мы вместе культурненько обогатились древними предметами и всякой там марморной мерзостью.

Переводчица им что-то проквкала, британцы потянулись гуськом в зал, поблескивая очками. Думаю – чего у них рожи такие серьезные, как будто на похороны пришли, а не насладиться культурной жизнью столицы? С другой стороны – а чего веселиться-то? И них, туристов, тоже жизнь не сладкая. Нет, чтобы пивнячок какой культурненько посетить, пообщаться там

с простым народом. А их в музей запикивают, где я, даже просто спокойным галопом обходя залы, колотье в боку наживаю. Заходим в первый зал. Они все останавливаются у какой-то картины, где изображена сирень. Переводчица вопросительно смотрит на меня. А у меня, Серег, после двух литров кофе и стягивающего все лицо крема глаза вообще ничего не видят. Я даже фамилию художника прочитать не могу на расстоянии. А близко подходить как-то неудобно. Ладно, думаю, где наша не пропадала? Везде пропадала! Начинаю экскурсию:

– На этой картине, дорогие соотечественники Оливера Твиста, вы можете разглядеть простой русский цветок, в просторечье именуемый «Сирень». Цветок назван так народом в честь знаменитой музыкальной ноты «Си», благодаря которой композитор Иоган Себастьян Штраус создал свой знаменитый «Вальс цветов». Что хотел сказать художник этой картиной? Что вот, дескать, ребята, закончил я художественное профтехучилище, а объектов для самовыражения оказалось маловато. Не получается пока у меня, мужики, приступать к сложным произведениям типа трактора в разрезе или председателя колхозной молотилки – Степаныча. Вот и был выбран для художественного отображения действительности простой сиреневый цветок белого цвета. Который, к тому же, на восьмое марта стоит значительно меньше букета роз, тем более что эту сирень можно обломать совершенно бесплатно в любом палисаднике. Вся картина пронизана величавым спокойствием и красотой (эту фразу я, Серег, слышал у безвременно запившего экскурсовода Карячкина). На этом, друзья, наше знакомство с искусством в виде цветка позвольте считать законченным. Кто хочет понюхать растение – подойдите к картине, только не измажьте ее ничем таким.

Смотрю, переводчица в наушник вслушивается и что-то им там булькает. А островитяне довольно кивают головами. Значит – все тип-топ, Серег. Все идет по хитроумному плану Калерии. Добулькала переводчица, кивнула мне головой, я делаю широкий жест рукой и приглашаю гостей столицы в следующую залу. А там в полстены висит здоровенная картина, где полный раздрай то ли после Куликовской битвы, то ли после разгрома армии Гудариана под Сталинградом. Нет, смотрю, костюмы на них древнерусские, значит, точно – поле Куликово.

– Позвольте, – говорю, – начать рассказ об этой картине величественными стихами нашего знаменитого и в ваших кругах поэта – Шурика Пушкина.

Приосанился, вывел руку вперед и загундел:

Как на поле Куликовом прокричали кулики.

И в порядке бестолковом вышли русские полки.

Как дохнули перегаром – за версту от них разит.

Значит, вышито немало – будет враг разбит!

Набрал в грудь воздух и совсем с выражением:

Направо – нас рать!

Налево – нас рать!

Хорошо с перепоею мечом помахать!

Смотрю, переводчица вылупилась на меня своими глазенками-растопырками, но все равно чего-то там англичанам по ихнему квакает. А они, смотрю, расшевелились. Я когда Пушкина дочитал, так даже похлопали. Тем более что я на последней строчке все свои пять литров воздуха из легких выдохнул, что создало необходимый художественный эффект присутствия. А я эту картину помню еще из школьных посещений. Экскурсовод все любил повторять, что, дескать, глаза героически погибшего воина и ноги его же все время смотрят на экскурсантов, откуда на него ни взгляни. Сейчас, думаю, поражу гостей столицы этим спецэффектом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.